

УДК 167.7

DOI: 10.17223/1998863X/62/28

А.А. Писарев

МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ПОИСКАХ ПРИРОДЫ: ДЕНАТУРАЛИЗАЦИЯ И ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ

Обсуждаются денатурализирующая и трансформативная функции мысленного эксперимента и возможность его переосмысления исходя из иного понимания природы.

Ключевые слова: мысленный эксперимент, природа, денатурализация, перформативность, коллективный эмпиризм

Я хотел бы оттолкнуться от интуитивно понятного определения мысленного эксперимента (МЭ) как оксюморона, упомянутого Т.А. Вархотовым в начале своей статьи (подробнее об этом см.: [1]). Я кратко намечу, во-первых, некоторые дополнительные следствия «социализации воображения», связанные с природой как эпистемологическим режимом, во-вторых, возможный путь переосмысления МЭ через иное онтологическое понимание природы.

Как указывает Тарас Александрович, «эмпирический» эксперимент отличается от МЭ наличием «материальных практик получения данных». Источником же этих данных и причиной научного познания является природа (или реальность – конкретный термин здесь не важен). Природа должна открыть тайну своего устройства в эксперименте. В этом отношении идеология науки опирается на обобщенный западный здравый смысл, согласно которому природа – это нечто внешнее, предшествующее и независимое по отношению к субъективному миру, действиям и восприятиям человека, а также определенное, неизменное единичное и пассивное, состоящее из форм или отношений [2 С. 55–58]. МЭ – оксюморон, так как в нем недостает именно такой природы, контакт с ней даже не предполагается. Если проводить эксперимент – значит манипулировать вещами и получать от них сдачи, то МЭ в предельной скептической интерпретации – «только» слова, за которые ничто «реальное» сдачи не даст.

Действительно ли ничто не может дать сдачи МЭ? МЭ адресуются неопределенному множеству индивидов с общим опытом и потому интересубъективны. Они легко мобилизуют воображение практически любого индивида, поскольку почти всегда предлагают представить нечто простое и близкое, интуитивно понятное. При этом задействуется само собой разумеющееся, а зачастую даже не осознаваемое, фоновое знание (здравый смысл, опыт в широком смысле). Это, например, интуитивные представления о соотношении скоростей падения тел с разной массой, о характере одновременности событий, о том, почему мы приписываем другим тот же субъективный мир и опыт, которым обладаем сами, что считаем границами личности и как оцениваем рост рождаемости или смертности и многие-многие другие. Такие знания разделяемы и коллективны, и в этом смысле условием успешности МЭ является, по выражению Тараса Александровича, «социализация воображения».

Одним из следующих шагов МЭ уже дискурсивными средствами проблематизирует эту недискурсивную легкость предложенной воображению ситуации, которая опосредована фоновым знанием. В этой коллективности кроется природа, с которой МЭ все же имеет дело, причем работая против нее: природа как эпистемологический режим самоочевидности. Знание, бывшее самоочевидным – будто бы независимым от любого индивидуального произвола, укорененным в самом порядке вещей, «самой природе» и потому необходимым и защищенным от сомнений – должно перестать быть таковым, чтобы впоследствии получить научное обоснование или же быть отвергнутым в пользу новых, контринтуитивных пока что представлений, которые будут обоснованы дискурсивно.

Чтобы произвести кардинальную перемену в плоскости теории, необходимо предварительно что-то изменить в том фоновом знании, на которое теория опирается. «МЭ могут обнаруживать напряжения между разными видениями мира. Они могут сбить индивида с определенного пути описания мира. Они могут заменить одну картину другой» [3. Р. 307]. МЭ уже на полпути к успеху, если успешна такая денатурализация, если удалось расшатать привычный образ мысли.

Говоря словами Пьера Бурдьё, «я могу продвинуться в объективации моего объекта в той мере, в какой смогу объективировать мою собственную позицию в пространстве, отличном от пространства, где помещается мой объект, а следовательно, – в объективации моего бессознательного отношения к объекту, которое может продиктовать целиком все то, что я собираюсь сказать об объекте» [4]. Таким образом, негативная, критическая функция денатурализации требуется для реализации позитивной трансформативной функции МЭ: «преодолеть косность привычек мышления и спровоцировать изменение точки зрения в эпистемологии» [5] при помощи логических и риторических средств.

В этом смысле МЭ – это эксперимент над тем, что функционирует для нас как природа, но оказывается лишь нашими произвольными представлениями, скрытым рядом натурализирующих механизмов в фоновом знании. Исход этого эксперимента не предзадан и даже иногда более непредсказуем, поскольку речь идет об экспериментировании над ассамбляжем социальных и психологических реалий.

Эта двойная функция МЭ напрямую связана с еще одним моментом, на который я хотел бы обратить внимание. Современные исследования науки и технологий проблематизируют упомянутое выше привычное для нас понимание природы как независимой внешней реальности. Ключевой для них оказывается перформативность наших методов и знаний. Джон Ло, Бруно Латур и ряд других исследователей, анализируя различные эмпирические кейсы, показывают, что невозможно изолировать друг от друга производство реалий, производство утверждений о них и производство релевантных технических, инструментальных, человеческих конфигураций и практик, устройств записи, производящих эти реалии и утверждения [2]. Такой подход предполагает перевод базовых оппозиций мышления – природа и культура, внутреннее и внешнее, микро и макро, репрезентация и репрезентируемое – из разряда объясняющих в то, что требует объяснения и производится в практиках. Природа, относительно которой МЭ определялся как оксюморон, оказывает-

ся не столько причиной и последней судьей научного познания, сколько его результатом. Этот результат натурализуется различными механизмами, его «сделанность» стирается, и он превращается в слепок с природы. МЭ как одна из научных практик принимает участие в этом производстве природы, теперь уже неотделимой от самих научных практик и техник. О перформативности образов – как визуальных, так и аудиальных – написано немало [6–9], но на фоне этих образов МЭ выделяется двойной функцией денатурализации и смены взгляда.

Из этой перспективы МЭ – аппарат, производящий перформативные эффекты, причем по обе стороны раскола на внешнее и внутреннее, природное и культурное. И, разумеется, воображение – его топливо и тот троянский конь, через который он внедряется в глубины нашего фонового знания и атакует его. МЭ переопределяет наши взгляды на те или иные реалии и принимает участие в учреждении этих самых реалий в качестве объектов последующего исследования.

Выражение «мысленный эксперимент» навязывает нам образ мыслителя, уединившегося в изолированном пространстве – декартовском кабинете с камином, «лаборатории разума» (Джеймс Браун). Вероятно, стоит оставить эти нововременные «места разума» и обратиться к более открытым и проветриваемым пространствам, в которых разворачиваются разногласия, крутятся вальцы практик, строятся сети циркуляции фактов и зоны обмена и производится привычная нам природа.

Литература

1. Вархотов Т.А. Воображение как граница понимания: о функции воображения в мысленных экспериментах // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 2. С. 199–224.
2. Ло Дж. После метода. Беспорядок и социальная наука. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.
3. *Hacking I.* Do Thought Experiments have a Life of Their Own? Comments on James Brown, Nancy Nersessian and David Gooding // PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association. 1992. Vol. 2: Symposia and Invited Papers. P. 302–308.
4. Бурдые П. За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма⁹⁷ : альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М. : Ин-т эксперим. социологии, 1996. С. 9–29.
5. Николози Р. Апокалипсис перенаселения: политическая экономия и мысленные эксперименты у Т. Мальтуса и В. Одоевского // Новое литературное обозрение. 2015. № 2 (132). С. 187–200. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/2/apokalipsis-perenaseleniya-politicheskaya-ekonomiya-i-myslennye-eksperimenty-u-t-maltusa-i-v-odoevskogo.html>. (дата обращения: 30.04.2021).
6. Логутов А.В. Звуковой ландшафт знания: прислушиваясь к Википедии // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 2. С. 12–24.
7. Иванов К.В. Картографирование как инструмент имперской политики в центральной Азии // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 2. С. 151–181.
8. Гавриленко С.М. Картографический диспозитив (несколько замечаний о «глобусах» Питера Слотердайка) // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 2. С. 131–150.
9. Инишев И.Н. Распределенная образность: имажинативные практики современной культуры // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 1. С. 31–46.

Alexander A. Pisarev, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: topisarev@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 62. pp. 274–277.

DOI: 10.17223/1998863X/62/28

THOUGHT EXPERIMENT IN SEARCH OF NATURE: DENATURALIZATION AND PERFORMATIVITY

Keywords: practical philosophy; thought experiment; nature; denaturalization; performativity

The author discusses the denaturalizing and transformative functions of the thought experiment and the possibility of its reinterpretation based on a different understanding of nature.

References

1. Varkhotov, T.A. (2020) Imagination as a borderline of understanding: the function of imagination in thought experiments. *ИПАЭХМА. Проблемы визуальной семиотики – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 2. pp. 199–224. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2020-2-199-224
2. Law J. (2015) *Posle metoda. Besporyadok i sotsial'naya nauka* [After Method: Mess in Social Science Research]. Translated from English by S. Gavrilenko, A. Pisarev, P. Khanova. Moscow: The Gaydar Institute.
3. Hacking, I. (1992) Do Thought Experiments have a Life of Their Own? Comments on James Brown, Nancy Nersessian and David Gooding. *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. 2. pp. 302–308.
4. Bourdieu, P. (1996) *Za ratsionalisticheskii istorizm* [For rationalistic historicism]. In: Vinokurov, V.V. (ed.) *Sotsio-Logos postmodernizma '97. Al'ma-nakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologicheskikh issledovaniy Instituta sotsiologii RAN* [Socio-Logos of postmodernism'97. Almanac of the Russian-French Center for Sociological Research, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences]. Moscow: Institute of Experimental Sociology. pp. 9–29.
5. Nicolosi, R. (2015) *Apokalipsis perenaseleniya: politicheskaya ekonomiya i myslennye eksperimenty u T. Mal'tusa i V. Odoevskogo* [The Apocalypse of Overpopulation: Political Economy and Thought Experiments by T. Malthus and V. Odoevsky]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2(132). pp. 187–200. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/2/apokalipsis-perenaseleniya-politicheskaya-ekonomiya-i-myslennye-eksperimenty-u-t-maltusa-i-v-odoevskogo.html>. (Accessed: 30th April 2021).
6. Logutov, A.V. (2020) A soundscape of knowledge: listening to Wikipedia. *ИПАЭХМА. Проблемы визуальной семиотики – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 2. pp. 12–24. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2020-2-12-24
7. Ivanov, K.V. (2020) Cartography as a tool of imperial policy in Central Asia. *ИПАЭХМА. Проблемы визуальной семиотики – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 2. pp. 151–181. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2020-2-151-181
8. Gavrilenko, S.M. (2020) The cartographic dispositif: few remarks on “Globes” of Peter Sloterdijk. *ИПАЭХМА. Проблемы визуальной семиотики – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 2. pp. 131–150. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2020-2-131-150
9. Inishev, I.N. (2020) Distributed imagery: imaginative practices of contemporary culture. *ИПАЭХМА. Проблемы визуальной семиотики – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 1. pp. 31–46. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2020-1-31-46